

АУТОПОЭЗИС ЭМОЦИЙ

А.А. Штеба

В статье рассматриваются процессы языковой категоризации «нетипичных» (смешанных) эмоций. Через биологическую метафору фрагментации и регенерации, как процессов бесполого размножения, показано образование новых обозначений для эмоциональных переживаний человека. Среди таких процессов особое внимание уделено открытию эмотивных валентностей у слов-номинаций эмоций, у которых сохраняется эмоциональная доминанта, но варьируется эмоционально-смысловая составляющая, а также смешанным эмоциям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: смешанные эмоции, аутопоэзис, фрагментация эмоций, регенерация эмоций, эмотивные валентности

ШТЕБА Алексей Андреевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета. alexchteba@yandex.ru

Цитирование: Штеба А.А. Аутопоэзис эмоций [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2019, № 1. – С. 117–128. Режим доступа: [http:// www. tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)

AUTOPOIESIS OF EMOTIONS

Aleksey A. Shteba

The article deals with the processes of linguistic categorization of " atypical" (mixed) emotions. Through the biological metaphor of fragmentation and regeneration, as the processes of asexual reproduction, the formation of new symbols for the emotional experiences is shown. Among these processes, special attention is paid to the opening of the emotive valences of words-categories of the emotions, in which emotional remains dominant, but varies the emotional-semantic component, and the mixed emotions.

KEY WORDS: mixed emotions, autopoiesis, fragmentation of emotions, regeneration of emotions, emotive valences

SHTЕBA Aleksey A. – PhD in Philology, associate professor of the chair of roman philology, of Volgograd State Socio-Pedagogical University.
alexchteba@yandex.ru

Citation: Shteba A.A. Autopoesis of emotions // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2019, № 1. – P. 117–128. Access mode: www.tverlingua.ru

Проблема категоризации «нетипичных» эмоций привлекает внимание исследователей, когда предметом анализа выступают как процессы мены оценочного знака лексических единиц, так и явление объединения двух оценочных знаков в семантических пределах одного слова. Известно, что базовое количество эмоций является в большей или меньшей степени определенным и признанным специалистами в области социогуманитарного знания. Считается, что всё множество номинаций эмоционального мира человека образовано из смешения базовых эмоций, что приводит к созданию нового целого. Последнее может быть одобрено языковым коллективом и получить самостоятельное наименование. В таком случае образованное от базовых эмоций обозначение эмоционального переживания/состояния становится основой для последующего развития и усложнения эмоционального концепта. Тезисно описанный процесс образования сложных (производных) эмоций соотносится с таким известным в биологии способом бесполого размножения, как фрагментация. При фрагментации новые особи образуются из частей, на которые распадается материнская особь. Каждый фрагмент, в свою очередь, начинает регенерировать недостающие для существования органы, что, в итоге, приводит к появлению новой материнской особи.

Проблема «нетипичности» эмоций затрагивалась в лингвистических исследованиях. К примеру, в работе М.В. Маркиной (2003), объектом которой выступило изучение лингвокультурологических характеристик эмоционального концепта *гнев*, показано, что, наряду с прототипическими

сценариями вербализации данного эмоционального состояния, нужно обращать внимание на парапрототипические. К последним, присутствующим в периферии сознания носителей языка, автор относит фрустрационный гнев (реакция на задачу, представляющую трудности для человека, т.е. гнев как способ решения проблемы), подавляемый гнев (на уровне плана выражения имеет форму менее интенсивного и/или противоположного по оценочному знаку эмоционального состояния), гнев – возмущение / негодование (когда эмоционально-смысловые рамки гнева размываются, эмоциональное состояние становится диффузным). К характерным для русской языковой картины исследователь относит праведный гнев (уровни плана выражения и плана содержания соответствуют прототипическому гневу, но план функционирования изменяется). В контексте представленного выше перечня «непрототипичного гнева» И.Ю. Никишина указывает, что для русской лингвокультуры гнев связан с милосердием. Обусловлено это активным, но ограниченным по времени воздействием данного эмоционального состояния на индивида, когда последний, испытав данную проходящую эмоцию, замещает отрицательное эмоциональное состояние положительным, наступает «желание простить того, кто вызвал гнев, оказать ему милость» (Никишина, 208: 12).

В исследовании Н.А. Красавского показан кластерный характер эмоций. Изучение эмоционального концепта отвращение на примере романа Р. Музиля привело исследователя к выводу, что гнев актуализируется совместно с иными эмоциональными концептами (страх, стыд, вина) (Красавский, 2015: 116). В своей докторской диссертации Н.А. Красавский (2001) отдельное внимание обратил на дублетные эмоциональные концепты, такие как *грусть-тоска, тоска-печаль, тоска-кручина*.

Е.Е. Стефанский не соглашается с мнением К. Изарда о том, что экзистенциальный страх состоит из эмоций страха, обиды, злости, стыда и возбуждения, поскольку анализ художественного дискурса позволил включить в данный перечень эмоции жалости, печали, ярости и отвращения

(Стефанский, 2007: 174). Дискурсивный анализ позволяет выявлять еще большую эмоционально-оценочную подвижность эмоций, когда, к примеру, избавление от страха приводит к радости, невозможность избавиться от страха становится причиной печали. Объединение же страха и печали приводит к возникновению тоски.

В русском языке для категоризации эмоциональных концептов частотно используются оценочные предикаты (Красавский, 2001: 220), которые и выступают, по нашему мнению, первым этапом на пути усложнения эмоционально-смыслового содержания вербализованных эмоций. Анализ примеров Национального корпуса русского языка показал, что базовые эмоции наиболее частотно конкретизируются следующими предикатами:

РАДОСТЬ – огромная, нерастраченная, тихая, искренняя, особенная, большая, несказанная, неизмеримая, постоянная, жгучая, ликующая, особая, страшноватая, великая, плохая, нечаянная, спокойная, громадная, чистая, неистошима, высшая, небольшая, надменная, бурная;

ГРУСТЬ – печальная, светлая, щемящая, постоянная, душевная, непонятная, ужасная, глубокая, покорная, невесомая, сладкая, напрасная, спокойная, небольшая, чудесная, неуловимая, удивительная, скрытая, великая, одинокая, мимолетная, горькая, тонкая,

СТРАХ – панический, внезапный, мучительный, безотчетный, дикий, отчетливый, жуткий, великий, подлый, животный, жалкий, ужасный, тайный, большой, неясный, неодолимый, постыдный;

ГНЕВ – страшный, черный, спокойный, легкий, бессильный, лютый, непередаваемый, праведный, благородный, глухой, сильный, высокий;

ОТВРАЩЕНИЕ – явное, стойкое, сильное, брезгливое, нескрываемое, глубокое, глубочайшее, подступившее, необъяснимое, наследственное, непреодолимое, непобедимое, бешеное, небольшое, жуткое, невнятное, мимолетное, страшное, грубое, полное;

ПРЕЗРЕНИЕ – глухое, холодное, святое, легкое, бешеное, глубокое, глубочайшее, глубинное, неистребимое, полное, безнравственное, неприкрытое, нарастающее, видимое, хладнокровное, слепое, звенящее, нескрываемое, разрушительное, отстраненное, инстинктивное, гулкое, сознательное.

Данные оценочные предикаты выступают в функции конкретизаторов эмотивной семантики эмоциональных концептов. В результате, у слов, традиционно считающихся неэмотивными (поскольку, по К.А. Долинину, названная прямым словом эмоция есть эмоция осознанная, а не непосредственно переживаемая) открывается эмотивная валентность (см.: Штеба, 2012). Последнее может осуществляться как на внутреннем (например, актуализация в семантике нейтрального слова эмотивного компонента), так и на внешнем уровнях (в данном случае использование оценочных предикатов), что приводит либо к усилению, либо к мене эмоционально-смысловой составляющей слова. Отметим, что В.С. Виноградова полагала, что дистрибуция слова не влияет на константный набор сем (Виноградова, 1981: 67). Данное положение верно, если в данный инвариантный комплекс смысловых компонентов слова отнести семы 'эмоция' и 'оценка'. Такое понимание константного набора сем лексических единиц позволяет превращение нейтральных слов в эмотивы. Тогда, в том числе, эмотивные употребления слова, даже в случае единичного авторского использования, накапливаются в семантике, что качественно меняет структуру значения (Харченко, 1989: 28). Данное положение соотносится как с феноменом индивидуального тезауруса, так и с концепцией эвиденциальности семантики, согласно которой объекту приписывается социально принятый, обусловленный прошлым перцептивный, когнитивный, эмоционально-оценочный опыт признаков / характеристик, закрепляемых за словом (Голубева, 2016). В перечисленных выше примерах эмоционально-оценочный знак словосочетаний сохраняется, но при этом «гасится» (по В.И. Шаховскому) эмоциональная доминанта. И здесь мы видим два направления:

на интенсификацию и деинтенсификацию превалирующей эмоциональной составляющей.

«Гашение» доминанты по направлению интенсификации эмоциональной составляющей наблюдается в случаях сочетания имени эмоции с лексемой-интенсификатором эмоционально-оценочного признака, например, *бурная радость, великая или горькая грусть, черный или лютый гнев, сильное отвращение, бешеное презрение*. Примерами деинтенсификации и «размывания» контура эталонной эмоциональной доминанты могут выступить такие примеры, как *надменная радость, сладкая грусть, праведный или высокий гнев, невнятное отвращение, святое презрение*. Основной вопрос, который можно задать себе в данном ключе, перестают ли надменная радость или невнятное отвращение быть собственно радостью и отвращением, или они превращаются в когнитивно более сложные явления, нуждающиеся в отдельной самостоятельной номинации. Вероятно, ошибочно отрицать правомерность вывода о том, что эмоциональная доминанта сохраняется, варьируется только степень признака.

Аналогично описываемому явлению фрагментации с последующей регенерацией обозначений эмоций в языке происходит накопление и увеличение разнообразия молекул, поскольку атомы углерода имеют способность образовывать неограниченное число цепей любой длины и состава. Атомы углерода могут создавать данные цепи не только в сочетании с атомами других элементов, но и самостоятельно (Матурана, Варела, 2001: 33). Скрытый конструктивный потенциал элемента реализуется либо через связь с другими элементами, либо вне данного взаимодействия. При этом для обнаружения и продуктивного (креативного) функционирования данного потенциала необходимо соблюдение условий. Применительно к рассматриваемой проблеме таким условием выступает контекст, активизирующий фрагментацию эмоций. Соответственно, речь можно вести об аутопоэзной вербализации эмоций, которая «вытаскивает сама себя за волосы и становится отличной от окружающей среды посредством

собственной динамики, но при этом продолжает составлять с ней единое целое» (Там же: 41).

Образование смешанных эмоций как от базовых, так и от производных, является дополнительным способом фрагментации эмоций. Объективируются смешанные эмоции в виде моно-, поли-, амбивалентных кластеров. К смешанным эмоциям моновалентного кластирования относятся случаи вербализации эмоциональных переживаний/состояний, при которых доминантой выступает общая (положительная или отрицательная) оценка:

(1) Видно, лицо моё выразило испуг или отвращение (Ф. Искандер).

(2) За ту секунду или две, что смотрела на меня, она успела выразить все, что чувствовала по отношению ко мне: ненависть, презрение, брезгливость (Судьба-злодейка // «Истории из жизни»).

Поливалентное (3) или амбивалентное (4) кластирование характеризуется разнооценочной составляющей, но при этом амбивалентность предполагает объединение в единое целое, как минимум, двух противоположных контрарных понятия:

(3) Какие в нём бурлят чувства: любовь, раскаяние, гнев (И. Грекова).

(4) Но блеснувшая на миг радость смешалась с печалью и утонула в печали (В. Гроссман).

Проблемным представляется определение доминанты «нетипичных» эмоций, имеющих форму смешанных. На интуитивном уровне писатели ощущают как процесс образования эмоций, в целом, так и необходимость номинации смешанных эмоций более экономичным и точным способом:

(5) Кеша мог поклясться, что при виде голой Мэрилин на ее лице мелькнула ухмылка — в конце концов, сестричка отражала его эмоции, а презрение и есть перевернутое отражение стыда (В. Пелевин).

Приведенный пример (5) соотносится с современными представлениями психологов, полагающих, что тысячи оттенков эмоциональных переживаний обусловлены смешением двух и более фундаментальных эмоций. Так, соединение радости и одобрения образует

любовь, а отвращение и гнев – ненависть. Результат подобного смешения эмоций называют первичными диадами (Plutchik, 2001: 346).

Одним из приемов выявления эмоциональной доминанты словосочетания, выражающего смешанные эмоции, допустимо считать тематический анализ на уровне микродистрибуции. Поскольку художественная речь моделирует естественное общение, а в устной коммуникации позиция ремы тяготеет к началу высказывания, то первый элемент смешанной эмоции может рассматриваться как центр или доминанта. Так, наблюдается одновременная активация сферы рационального и эмоционального. На прагматическом уровне говорящий получает возможность выразить свое отношение/состояние и предоставить рационализированную эмоцию, экспликация которой может служить обоснованием ощущения/переживания доминантного эмоционального состояния, превратиться в опору для совместного конструктивного выхода из возможного конфликта, если эмоциональная доминанта будет оценена адресатом отрицательно. В подтверждение сказанного относительно позиционного анализа при определении доминанты смешанных эмоций обратимся к следующему примеру:

(б) Она ошеломленно смотрела на любовников со смесью изумления и отвращения, потом выдавила:

- Где Хасинта? (К.Р. Сафон).

Эмоциональное состояние изумления является соматическим препятствием для речевой коммуникации, тогда как отвращение (рациональная эмоция) и описываемый автором способ произнесения реплики (*выдавливает*) стимулирует речепорождение персонажа. Следовательно, в представленном примере доминантой смешанной эмоции является изумление, а отвращение выступает семантическим конкретизатором данного сложного эмоционального концепта.

Показанный процесс фрагментации эмоций, как самоорганизующейся системы, стремится к регенерации. В немецком языке микрополя *Liebe* и

Hass имеют зону пересечения, что приводит к созданию и языковой кодификации контаминированного поля *Hassliebe*. Общим семантическим компонентом, наличие которого в семантике обоих слов и позволило образовать указанный оксюморон, является семантический компонент *Leidenschaft* (*страсть*). Но, несмотря на эксплицируемое с помощью данного слова-композиата сложное амбивалентное эмоциональное переживание (последнему свойственны высокая экспрессивность, одновременность эмоциональных переживаний, удвоенная интенсивность и взаимонаправленность), в нем можно определить доминанту – любовь как непосредственная предпосылка возникновения ненависти (Борисова, 2003: 19-21). Подобные случаи номинализации нетипичных эмоций становятся всё более частотными (к примеру, *haimer* во французском языке, образованное от глаголов *aimer* – *любить* и *haïr* – *ненавидеть*, или окказиональные оксюмороны в русском – *нелюб*, *неналюбить* и пр.)

Таким образом, «нетипичные» эмоциональные состояния/переживания могут объективироваться в языке/речи через усложненные формы выражения в соответствии со сложностью когнитивной матрицы эмоционального мира человека, в целом. Комбинирование ограниченного числа базовых эмоций лежит в основе всего многообразия эмоций. При этом множество вторичных эмоциональных переживаний получили свои самостоятельные обозначения в языке, что не препятствует дальнейшей реализации у слов-номинаций эмоций эмотивных валентностей в форме, к примеру, оценочных предикатов. Следствием открытия эмотивной валентности становится сохранение эмоциональной доминанты с ее последующей конкретизацией. Смешанные эмоции моно-, поли- или амбивалентного кластирования представляют форму фрагментации эмоционального мира и являются, на наш взгляд, способом регенерации эмоций, для которых языковое сообщество еще не выработало самостоятельных обозначений. Описание происходящих и отражающихся в языке процессов кодификации эмоций позволяет наблюдать

за аутопозной организацией языка через речевую деятельность его пользователей.

Ссылки – References in Russian

Борисова, 2003 – *Борисова И.В.* Семантика эгоцентрических категорий: *liebe, hass* и их актуализация в немецком языковом сознании. – Автореф. ... канд. филол. н., Абакан, 2003. – 23 с.

Виноградова, 1981 – *Виноградова В.С.* К вопросу о лексико-семантическом уровне и его единицах // Семантико-системные отношения в лексике германских и романских языков. Вып. II. – Волгоград, 1981. – С. 62–69.

Голубева, 2016 – *Голубева О.В.* Теория эвиденциальности выводного знания: психолингвистический подход. – Автореф. ... докт. филол. н., Тверь, 2016. 44 с.

Красавский, 2001 – *Красавский Н.А.* Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах. – Дис. ... докт. филол. н. Волгоград, 2001. – 507 с.

Красавский, 2015 – *Красавский Н.А.* Эмоциональный концепт «Отвращение» в романе Роберта Музиля «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015, № 2. Ч. 2. – С. 114–118.

Маркина, 2003 – *Маркина М.В.* Лингвокультурологическая специфика эмоционального концепта «гнев» в русской и английской языковых картинах мира. – Автореф. ... канд. филол. н., Тамбов, 2003. – 24 с.

Матурана, 2001 – *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания: биологические корни человеческого понимания. Пер. с англ. Ю.А. Данилова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.

Никишина, 2008 – *Никишина И.Ю.* Выражение концепта *anger* («гнев») в современной английской и американской художественной литературе. – Автореф. ... канд. филол. н., Москва, 2008. – 21 с.

Стефанский, 2007 – *Стефанский Е.Е.* Культурные сценарии реализации эмоциональных концептов в художественном дискурсе // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. – 2007, № 1. –С. 172–182

Харченко, 1989 – *Харченко В.К.* Переносные значения слова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-ти, 1989. – 200 с.

Штеба, 2012 – *Штеба А.А.* Структурно-функциональный аспект эмотивных валентностей слова (на примере слова *sœur*). – Дис. ... канд. филол. н., Волгоград, 2012. 219 с.

Plutchik, 2001 – *Plutchik R.* The Nature of Emotions // *American Scientist*, Vol. 89. – 2001. – P. 344–350.

References

Borisova I.V. (2003) *Semantics of egocentric categories: liebe, hass and their actualization in the German language consciousness*, Avtoref. ... kand. filol. n., Abakan, 23 p. (in Russian).

Vinogradova, V.S. (1981) *On the question of lexical-semantic level and its units* // *Semantiko-sistemnye otnoshenija v leksike germanskih i romanskih jazykov*, Vyp. II, Volgograd, pp. 62-69 (in Russian).

Golubeva, O.V. (2016) *The Theory of Evidentiality of Taken out Knowledge*, Avtoref. ... dokt. filol. n., Tver. 44 p. (in Russian).

Krasavskij, N.A. (2001) *Dynamics of emotional concepts in German and Russian linguistic cultures*, Dis. ... dokt. filol. n. Volgograd, 507 p. (in Russian).

Krasavskij, N.A. (2015) *The concept of "Disgust" in the novel by Robert Musil "the Emotional turmoil of the pupil of Teresa»* // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, Tambov: Gramota, № 2. Ch. 2, pp. 114–118 (in Russian).

Markina, M.V. (2003) *Linguistic and cultural specificity of the emotional concept "anger" in the Russian and English language pictures of the world*, Avtoref. ... kand. filol. n., Tambov, 24 p. (in Russian).

Maturana, U., Varela, F. *The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding* / Per. s angl. Ju.A. Danilova, M.: Progress-Tradicija, 224 p. (in Russian).

Nikishina, I.Ju. (2008) *Expression of the concept of anger in contemporary English and American fiction.*, Avtoref. ... kand. filol. n., Moskva, 21 p. (in Russian).

Stefanskij, E.E. (2007) *The cultural scenario of emotional concepts in the artistic discourse* // Vestnik Samarskoj gumanitarnej akademii. Serija, Filosofija, Filologija, № 1, pp. 172–182 (in Russian).

Harchenko, V.K. (1989) *Figurative meanings of the word*, Voronezh, Izd-vo Voronezh. un-ti, 200 p. (in Russian).

Shteba, A.A. (2012) *Structural and functional aspect of emotive valences of the word (by the example of the word cœur)*, Dis. ... kand. filol. n., Volgograd, 219 p. (in Russian).

Plutchik R. (2001) *The Nature of Emotions* // American Scientist, Vol. 89, 2001, pp. 344–350 (in Russian).